

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Послѣ манифеста о войнѣ съ Франціею и Англіею.

1854.

Богъ поможетъ Тебѣ отъ святой высоты,
Богъ заступитъ тебя отъ Сіона.
Государь, не Его ли помазанникъ ты,
Не Его ли блюститель закона?
Богу нашему, Богу и Сыну Его
Не твоя ли покорность безъ мѣры?
Не твоя ли надежда и вѣра въ Него,
Намъ спасительнымъ служить примѣромъ?
Насъ во брани Господь не оставитъ однихъ,
Съ нами будетъ Георгій сражаться,
И предъ стѣнами воиновъ вѣрныхъ твоихъ,
Будетъ Ангель святой ополчаться.
Съ нами Богъ! Съ нами сила Святого Креста!
Пусть готовятъ намъ грозныя битвы.
Вѣдь сильна благодать Иисуса Христа,
Хоть и немощны наши молитвы.

25 Апрѣля 1854.

*

Н. Н., бывшій бібліотекаръ Московской Духовной Академіи и потомъ Московской Семинаріи, слышалъ отъ духовника своего Троицкаго монаха, что архимандритъ Леонидъ Кавелинъ умеръ вслѣдствіе паденія съ лѣстницы, у которой монахи нарочно вынули двѣ ступени, опасаясь ночныхъ дозоровъ архимандрита. Добрый и горячій то былъ человѣкъ, и я любилъ его.

Теперешніе профессора Троицкой Академіи ненавидятъ память митрополита Филарета. Это напоминаетъ сказанное Пушкинымъ про хулителей Жуковского: зубки прорѣзались, кусаютъ груди кормилицы.

4 Іюля 1897 ѣхалъ я со станціи Осташково по Новоржевской дорогѣ до станціи Высокое съ сенаторомъ Дмитріемъ Борисовичемъ Беромъ, который ежемѣсячно ѣздитъ въ Петербургъ на Сенатскія засѣданія изъ своего имѣнія Починокъ Орловско-Витебской желѣзной дороги, иногда и на Москву, гдѣ у него сынъ хореографомъ Большого театра. Беръ глухъ, но бесѣда его очень занимательна, а образъ мыслей благороденъ. Онъ женатъ на Стунѣвой.

Были въ Петербургѣ двѣ красавицы Ивановы, Марья и Софья Петровны. На первой женился М. И. Глинка, но не долго съ ней прожилъ (она вышла за Васильчикова, а послѣ него за какого-то Кольчигина), и оба послѣдніе мужа обращались съ нею строго. Сестра ея Софья Иванова была такъ хороша, что Николай Павловичъ сказалъ однажды ея мужу Стунѣву (занимавшему значительную военную должность гдѣ-то въ Харьковской губ.): на твою жену глядѣть страшно.

Отецъ М. И. Глинка, нѣкогда управлявшій обширными имѣніями Энгельгардта (племянника князю Потемкину) былъ богатый человекъ и занимался откупами. Мать, тоже Глинка, была женщина добродѣтельная и умная. Она держала въ рукахъ многочисленное семейство. Родина М. И. Глинка, село Новоспасское, Ельнинскаго уѣзда, послѣ Французскаго разоренія, было приведено въ цвѣтущій видъ: паркъ, фонтаны, обширная усадьба. Когда М. И. Глинка умеръ, между его сестрами началась тяжба по поводу его духовнаго завѣщанія и розданныхъ имъ заемныхъ писемъ одной изъ сестеръ; письма эти по клеймамъ вексельной бумаги оказались написанными заднимъ числомъ. Село Новоспасское было продано Рязанскому мужику-лѣсоторговцу, который вырубилъ паркъ и уничтожилъ всѣ постройки, такъ что теперь тамъ ровное поле.

*

Лѣвый братъ Авдотьи Петровны Елагиной и Анны Петровны Зонтагъ Александръ Петровичъ Петерсонъ (человекъ умный и правдивый) рассказывалъ мнѣ, что Пушкинъ читалъ однажды въ пріятельскомъ кругу стихи свои, гдѣ было слово *усміе*; изъ слушательницъ А. А. Воейкова, привыкшая къ шутловству (которымъ занимался и Жуковский) дала понять, что это слово непристойно и напоминаетъ о желудочномъ запорѣ. Пушкинъ обидѣлся и потомъ написалъ:

Не чисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И въ свѣтлый подвигъ вдохновенья
Все вносить лишь свое г

Петерсонъ же увѣряетъ, что злоязычіемъ отличался не одинъ А. О. Воейковъ, но и супруга его, и что Пушкинъ именно про нее написалъ:

Въ своемъ красномъ колпакѣ
Чертъ сидитъ на столчакѣ.
У него животъ болитъ:
Онъ Воейкову родитъ.

Извѣстные стихи Пушкина, по словамъ Петерсона, начинались у него такъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
И взглянувъ на небеса,
Вспомнилъ наши разговоры,
Ваши сѣрые глаза,

и относятся къ одной барынѣ, у которой были замѣчательно влажные сѣрые глаза и съ которой Пушкинъ велъ бесѣды о небѣ.

Изъ сестеръ Воейковыхъ отличалась ухарствомъ старшая Екатерина († въ Москвѣ въ 1844), въ другихъ отношеніяхъ премилая. По ея просьбѣ Петерсонъ водилъ ее въ кабакъ посмотрѣть что тамъ дѣлается, а въ Одессѣ, гдѣ она жила у А. П. Зонтагъ, въ арестантскія роты Драгутина.

Удивительное дѣло: люди, отмѣнно чистой нравственности, позволяютъ себѣ непристойности. Такъ В. А. Жуковскій иногда выражался до того неприлично, что Е. А. Карамзина выгоняла его изъ обѣденнаго стола. Графиня А. Д. Блудова, женщина, можно сказать, святая, въ послѣдніе дни жизни, не стѣснялась непристойными словами. Офелія у Шекспира передъ концемъ своимъ похабничала.

*

А. С. Хомяковъ, бывало, приводилъ примѣры полногласія Русскаго языка:

Чаша моря Салавецка
Пить за здравье маладца.
Непокрытая вада:
Тараканъ палакаль,
Муравей пализалъ,
Муха падала.

Это говорится про человѣка безъ твердой воли.

Про чиновника былого времени.

Непостижимый, необъяснимый,
Какъ гуттаперча растяжимый!
Чей умъ постичь бы это могъ?
Одинъ онъ всѣми управляетъ,
Одинъ все нищетъ, все рѣшаетъ,
Всесилень, вездѣсущъ какъ Богъ.
Искать въ законахъ смыслъ глубокий,
Искать въ поляхъ поправы слѣды,
Хотя и могъ бы чинъ высокій,
Ему жъ преградъ и мѣры нѣтъ.
Одинъ въ трехъ лицахъ засѣдаетъ,
Какъ образъ Троицы самой,
Онъ плоть одну сохраняетъ:
Судья, посредникъ, становой,
Онъ власть соединилъ съ смиреньемъ,
Ничтожество съ величьемъ слилъ,
И къ губернатору съ почтеньемъ,
И къ прочимъ сильнымъ подходилъ.
Но сколь умомъ ни превышаетъ,
Сколь онъ ни славенъ, ни великъ
А губернаторъ пожелаетъ,
И все величье исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности протекшій мигъ.

*

На дняхъ, въ засѣданіи Археологическаго общества въ домѣ Историческаго Музея (который называютъ памятникомъ Уваровской пыхи) Великій Князь Сергій Александровичъ говорилъ профессору И. В. Цвѣтаеву по поводу его путешествія въ Микены, что на знаменитыя раскопки и открытія Шлимана пошли Русскія деньги, что Шлиманъ началъ прикащикомъ въ Петербургѣ въ какомъ-то москательномъ магазинѣ, потомъ очутился поставщикомъ селитры въ наши войска и во время Крымской войны, ставя песокъ вмѣсто селитры, нажилъ милліоны и бѣжалъ за границу. Ему воспрещенъ былъ возвратъ въ Россію, гдѣ онъ кинулъ жену и дѣтей. Это не помѣшало Великому Князю навѣститъ его домъ въ Греціи и осматривать его сокровища.

*

Въ нынѣшнемъ году, когда появилось въ „Русскомъ Архивѣ“ начало Записокъ Корберона, получена была мною отъ одного изъ благопріятелей нижеслѣдующая замѣтка:

„Съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія у васъ Корберона; очень интересенъ. Я вновь его перечиталъ и остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что человекъ легкомысленный и при томъ крайне враждебенъ Россіи и Русскимъ. Особенно интересно касающееся Наталіи Алексѣвны, тѣмъ болѣе въ связи съ письмами Фридриха II-го, который интересовался ея „натурализациею“ (Natalisation). Тѣмъ не менѣе, много неяснаго. Въ комнатѣ Гатчинскаго дворца, гдѣ я обыкновенно ночевалъ у Червина, виситъ и до нынѣ портретъ ея во весь ростъ, прекрасной кисти. Старый Гатчинскій комендантъ генералъ Багговуть (весьма почтенный и любимый Александромъ III) передавалъ при мнѣ, какъ императоръ Николай I разсердился, увидавъ этотъ портретъ на почетномъ мѣстѣ и приказалъ его припрятать, рассказавъ, что эта женщина много сдѣлала зла отцу его. Неужели она могла задумать заговоръ? При дворѣ Павла было много Французовъ, какъ и во многихъ другихъ домахъ, а между тѣмъ ея мать „La landgrave“ была женщина выдающаяся, и будь она жива, многое бы пошло иначе.

Нерѣдко путаютъ графа Петра Борисовича и Николая Петровича Шереметевыхъ, а полковникъ князь Вяземскій у Корберона очевидно князь Андрей Ивановичъ, тогда увлеченный графинею Сиверсъ, будущей княгиней Путятиной (отъ котораго она также имѣла дочь). Она большая пріятельница матери Семена Великаго, рожденной Ушаковой, отецъ которой нѣкогда завѣдывалъ дворцомъ Екатерины Первой въ Люберцахъ. Кто займется Ушаковыми и перепискою Сакена, тотъ нападетъ на слѣдъ Семена Великаго... А какія дѣла дѣлаются? Я эту фразу повторилъ при Побѣдоносцевѣ, а тотъ въ отвѣтъ: „Луна дѣлается въ Гамбургѣ и прескверно дѣлается“...

*

Отъ князя С. М. Воронцова про его дѣда.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, престарѣлый графъ Семенъ Романовичъ, страдая безсонницей и проводя ночи за книгами, пошелъ въ нижній этажъ доставать себѣ новаго чтенія изъ своей спальни и былъ найденъ на лѣстницѣ въ безчувствіи: на ступеняхъ разбросаны были книги, свѣча, платокъ,

табакерка. Тѣмъ не менѣе онъ оправился. Въ Генваря 1832 г. пріѣхалъ къ нему изъ Россіи сынъ съ семействомъ. Онъ былъ ясенъ до конца. Передъ самою смертью простился съ каждымъ изъ семьи своей и домочадцевъ особо, и за часъ велѣлъ позвать Я. И. Смирнова и попросилъ его читать отходныя молитвы. Тотъ читалъ и плакалъ и когда кончилъ чтеніе, посмотрѣлъ на своего друга и нашель его бездыханнымъ.

*

О предпоследнемъ царствованіи.

Первые годы въ Петербургѣ.

У царя у нашего
Вѣрныхъ слугъ довольно:
Вотъ хоть у Тимашева
Высѣкутъ пребольно;
Влѣпятъ въ наказаніе
Такъ ударовъ со сто,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго моста.

Москва замѣчаетъ.

У царя у нашего все такъ политично,
Что и безъ Тимашева высѣкутъ отлично.
И къ чему тутъ зданіе у Цѣпнаго моста?
Выдетъ приказаніе, отдеруть и просто.

П. Н. Рыбникову (который нѣкогда подвергся высылкѣ изъ Москвы за вольнодумство, а въ послѣдствіи обогатилъ нашу словесность своимъ сборникомъ старинныхъ народныхъ пѣсень) поручено было, въ семидесятыхъ годахъ, читать лекціи о производствѣ слѣдствій у того же Цѣпнаго моста, въ страшномъ Третьемъ Отдѣленіи: такъ измѣнилось внутреннее у насъ управленіе.

Подъ исходъ царствованія.

Чертъ, схватяся за брюхо, помиралъ со смѣху:
Въ Третьемъ Отдѣленѣ изучаютъ право!
Этакъ, право, братцы, намъ за богословье
Надо приниматься.

*

Про главнаго контролера.

Еслибъ хитростію адской
Надѣленъ былъ Вышнеградской,
Не украсть ему, ей—ей,
Ни динарѣя у царей;

Кустодію держить убо
У сокровищницы сей
Мужъ премудрости сугубой,
Нѣкій книжникъ-фарисей:
Какъ Деляновъ благонравенъ.
По великому жъ уму
Онъ едвакъ не будетъ равенъ
Гюббенету самому.

*

Митрополитъ Филаретъ о роскоши.

Какъ много у многихъ поглощаетъ вниманія, какъ много похищаетъ времени, какъ много средствъ истощаетъ усиленная страсть къ блеску и пріятностямъ въ наружной жизни, въ жилищѣ, одеждѣ, въ пищѣ, въ питіи, въ увеселеніяхъ! Сіи многіе думаютъ или говорятъ: „какая въ томъ бѣда, что мы ищемъ своего удовольствія?“ Жалкое для дѣятельности разумнаго и нравственнаго существа оправданіе, что отъ нея нѣтъ бѣды! Не заключается ли въ семъ оправданіи обвиненія, что въ сей дѣятельности нѣтъ добра, нѣтъ пользы, нѣтъ достоинства?

Но если для исправленія вашей дѣятельности непременно надо указать на розгу грозящей бѣды: то посмотрите, какъ, по мѣрѣ разлива роскоши, уменьшается довольство и до чрезмѣрности увеличиваются на днѣ общества осады нечистой и тунеядной нищеты; какъ пристрастіе къ блеску, переходя отъ богатыхъ къ небогатымъ, производитъ неразборчивость въ средствахъ удовлетворять оному и повреждаетъ нравственность частную и общественную, а съ нею и порядокъ, и безопасность; какъ привычка утѣшаться благовидностями наружной жизни прокрадывается въ жизнь духовную и повреждаетъ нравственное чувство: сдѣлавшаго доброе дѣло оставляетъ недовольнымъ, доколѣ оно не напечатано и не провозглашено; оказавшему услугу не даетъ успокоиться въ сознаніи заслуги, но мучить его жаждою отличія внѣшняго.

